

Глава 1

ПОТЕРПЕВШИЕ

В четверг телефон, смиренно молчавший весь день, проснулся ровно в четыре часа дня. Я неприязненно посмотрел на него. В кабинете заместителя начальника городского уголовного розыска телефон может звонить с одной-единственной целью — сообщить какую-то неприятную новость. У меня порой закрадывается ощущение, что в мой телефонный аппарат вставлен специальный приборчик, который отсекает всю позитивную информацию. Позвонит приятель в конце недели с предложением попить пива — телефон ему в ответ даст длинные гудки, наберет мой номер дежурный по управлению — линия всегда свободна.

Зловредный аппарат на столе разразился новой, уже более настойчивой трелью. Надо отвечать.

Год назад министр внутренних дел СССР издал специальный приказ — как сотрудник милиции обязан представляться при ведении телефонных переговоров. По мнению министра, я, подняв трубку, должен вежливо и культурно сообщить неизвестному собеседнику: «Капитан милиции Лаптев Андрей Николаевич слушает!»

Ага, разбежался! Пускай министр сам так по телефону отвечает. Я буду более скромн.

— Да! — раздраженно бросил я в микрофон.

Позвонивший мне человек, кто бы он ни был, с первых же слов должен понять, что своим звонком он прерывает меня от важных государственных дел. Любой начальник так поступает, иначе тебе будут звонить все подряд.

— Что ты дакаешь, мать его, приказ министра не читал? — прорычала телефонная трубка голосом моего начальника Малышева. — Собирайся и давай на выезд. У нас три трупа на улице Герцена.

Я вернул аппарат на место. Мой сосед по кабинету Далайханов Айдар осторожно, чтобы не накаркать неприятности, спросил:

— У нас ЧП?

— Три трупа на улице Герцена. Собирайся, съездим, посмотрим, что к чему. Если это бытовуха, то вернемся назад, а вот если началась новая война...

— Быстро что-то для новой войны. Трех месяцев не прошло с разгрома «Борцов». Кто бы новую войну начинал? В городе нет реальной силы, чтобы противостоять Лучику¹.

— Лучик с прошлой пятницы лежит в коме. К нему даже «Скорую помощь» вызывать перестали. Никто из воров уже не верит, что он сможет прийти в себя.

— Свежо предание, да верится с трудом! Его уже полгода хоронят, а он все никак помереть не может. Андрей, почему они своего вожака в больницу не положат? В тубдиспансере уход, медсестры, аппаратура для реанимации, а он все дома лежит.

¹ Данное произведение является продолжением книги Г. Сорокина «Письмо ни от кого».

— Вор в законе должен умереть среди друзей, а не в больничной палате. Ты собрался? Поехали.

Погода на улице была отвратительная. С самого начала месяца стояли холода, а на День Победы вовсе повалил снег. Похоже, в Небесной канцелярии перепутали времена года и вместо майского тепла впустили в Сибирь арктический холод.

— Весна в этом году какая-то учебная, все никак начаться не может, — проворчал Айдар. — Уже середина мая, а ни одного теплого дня не было. Андрей, как бывший сельский житель, скажи, картошку высаживают по числам или по погоде?

Ответить я не успел. Хлопнув дверью, на крыльцо вышел дежурный эксперт-криминалист.

— Меня ждете? — нарочито бодрым голосом спросил он. — Я готов. Что обсуждали? Погоду или убийства? В эти выходные я в деревню к родственникам ездил, там все в телогрейках ходят, как в марте месяце. На Первомайские праздники теща думала грядки вскопать, да куда там! Земля все еще промерзшая стоит.

Дребезжа изношенными внутренностями, к нам подъехал автомобиль дежурной части.

— На улицу Герцена, — сказал я, усаживаясь на переднее сиденье «уазика».

— Маршрут знаю, — недовольным тоном ответил водитель.

— Все-то ты знаешь, — взъелся я на ровном месте, — все-то вопросы вы уже в гараже обсудили! Чего ни коснись, у вас уже на все готов ответ. Скажи нам, Герцен кто такой был?

— Друг Ленина, — не задумываясь, ответил шофер. — Мы в школе про него изучали. Герцен ударил

в колокол и разбудил Ленина. Потом они вместе революцию сделали, но рассорились, и Герцен уехал в Лондон.

Опровергать оригинальную версию водителя никто не стал, и до самого места происшествия мы ехали молча.

Улица Герцена располагалась в Машиностроительном районе. В начале семидесятых годов микрорайоны в этой части города считались благоустроенными и благополучными. Построены они были по одному типовому проекту: по краям микрорайона жилые панельные пятиэтажные дома, в центре — школа с прилегающим к ней стадионом. Детские сады располагались вокруг школы. Продовольственные и промтоварные магазины занимали первые этажи пятиэтажек. Отдельных зданий для предприятий торговли не строили. В целом все микрорайоны в Машиностроительном районе были похожи друг на друга как близнецы-братья, но каждый имел какую-то свою «изюминку»: большой гаражный массив, кинотеатр, поликлинику или детский городок.

С началом перестройки Машиностроительный район стал приходить в упадок. Оборонные заводы, на которых работала большая часть жителей района, перестали получать гарантированный госзаказ на производство вооружения, уровень зарплаты рабочих пополз вниз, о премиях за перевыполнение плана пришлось забыть. Модное словечко «конверсия» приводило заводчан в ярость: «На кой черт такая конверсия нужна, если на зарплату новые штаны купить невозможно?» Все чаще и чаще в заводских курилках вспыхивали ожесточенные споры между немногочи-

сленными сторонниками перестройки и обычными работягами: «Засунь свою конверсию в одно место! Ее болтуны придумали, которые ничего не понимают в производстве. Легко сказать: выпускайте вместо пушек товары народного потребления! А как ты это на практике видишь? Как ты на расточном станке будешь сковородки выштамповывать? Афера эта конверсия, по-другому не назовешь!»

Местом тройного убийства был второй подъезд давно не отремонтированного пятиэтажного дома. На крыльце и у подъездных лавочек нас ожидали сотрудники районного отдела милиции, немного в стороне от них стоял кинолог с безучастной ко всему служебно-разыскной собакой, немецкой овчаркой.

— Что, дружище, — обратился я к кинологу, — опять никого не нашли? Лужи, грязь, собака след не берет? Ни разу не помню, чтобы от ваших ищеек толк был.

Проводник служебно-разыскной собаки, молодой, недавно вернувшийся из армии парень, заступился за овчарку:

— А куда тут идти, если преступники у самого подъезда сели в поджидавший их автомобиль?

Мы с Айдаром переглянулись. Начало было насто-раживающим. Если преступники не подготовились к скрытному отходу, то это действовали или взбесившиеся отморозки, поступки которых непредсказуемы, или дилетанты, высчитать логику которых так же непросто.

Из подъезда к нам вышел начальник уголовного розыска Машиностроительного РОВД Вячеслав Сергиец. Я знал его с начала восьмидесятых годов, когда

мы вместе работали в милиции Заводского района. Оперативником Сергиец был отменным, и если бы не его постоянные залеты с выпивкой и рукоприкладством, был бы Слава большим начальником, а так, к сорока трем годам, он все еще не продвинулся дальше районного звена.

— Привет городскому начальству! — крепко пожал мне руку Сергиец. — Быстро вы примчались, как будто за углом стояли. Пойдем, перекинемся парой слов.

Мы отошли на детскую площадку напротив дома.

— Кто-то живой остался? — кивнул я в сторону отъезжающей «Скорой помощи».

— Когда налетчики ворвались в квартиру, в ней была девчонка лет двенадцати. Как я понял со слов врача, в нее один из бандитов выстрелил из пистолета, но у него произошла осечка. Андрей, наплюй на девку! Врачи ее транквилизаторами обколют, она в себя придет и все расскажет. Тут не в этом суть! Здесь какая-то чертовщина творится. Я ничего подобного в своей жизни еще не видел. Ты знаешь, кого тут заваляли?

— Надеюсь, не продюсера группы «Мираж»? — мягко сыронизировал я.

— А что он плохого сделал? — искренне удивился Сергиец.

— Собрал деньги за концерт, а накануне выступления сгреб своих певичек в охапку и отбыл в неизвестном направлении. Областники стали трясти Госконцерт, а там отвечают, что московская группа «Мираж» в Сибири в этом году выступать не планировала. До сих пор никто не поймет, что за чувихи на афишах по всему городу расклеены.

— Нынешние певички все на одно лицо — поменьше местами, разницы никто не заметит.

— Слава, хрен с ними, с певичками. Ты разобрался с преступлением? Кто потерпевшие?

Сергиец, прищурившись, задумчиво посмотрел на гаражи, заполнившие пространство между школьным забором и трансформаторной будкой, неспешно достал из внутреннего кармана куртки мятую пачку «Примы», закурил.

— Слава, — подстегнул я коллегу, — ты не Станиславский, паузу не выдерживай.

— Налет был совершен на квартиру гражданки Желомкиной.

— Мать его! — с досады я сплюнул под ноги. — Да лучше бы всю группу «Мираж» в этих гаражах расстреляли, проблем бы меньше было. Слава, ты не ошибся, Веронику Гавриловну завалили?

— Ее, родимую. Сходи, сам посмотри. Она на кухне вся изрезанная лежит.

— Ушам своим не верю! Не родился еще на свете псих, чтобы на Шахию руку поднять. За Веронику Гавриловну братва без базара голову от туловища отделит. Кого еще убили?

— Племянника и соседку по подъезду. Соседку случайно грохнули. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть, что этажом выше происходит, и схлопотала пулю в лоб.

— Ну и дела! — развел я руками.

— Это еще не все. — Сергиец чиркнул спичкой, прикурил. — Тут, на детской площадке, с самого утра местные алкаши кучковались, ждали, когда винно-водочный магазин откроют. К обеду они набрали

денег, похмелились, стали промышлять на новый пузырь, трое пошли в гаражи поискать пустые бутылки, а один, по фамилии Грачев, остался на лавочке. У него ноги больные, с палочкой ходит. Я знаю этого Грачева, лет пять назад он у нас по краже проходил, год отсидел и вернулся. Короче, Грачев божится, что за рулем «Жигулей», на которых приехали налетчики, был адвокат Машковцов.

— Откуда он его знает? — усомнился я.

— Машковцов был у него защитником на суде. Это еще не все. Я позвонил знакомым, они подтверждают, что у Машковцова в личном пользовании был автомобиль «ВАЗ-2105» вишневого цвета. На точно таком же автомобиле налетчики приехали на дело.

— Где Грачев?

— Он слегка пьяненький. Я велел его в отдел отвезти. Посидит в клетке, протрезвеет, к вечеру продолжим беседу.

— Слава, пока областные боссы не приехали, обрисуй в двух словах, что удалось установить?

Сергиец щелчком отправил окурок в гаражи, тыльной стороной кисти отер уголки губ.

— В половине четвертого к подъезду подъехала «пятерка» вишневого цвета. Адвокат Машковцов остался за рулем, а двое его пассажиров, парни лет двадцати пяти, вошли в дом. Вернулись назад минут через десять, у одного в руках была большая спортивная сумка. Убитых трое: любопытная старушка, Шахиня и ее племянник. Денег в квартире нет. Обрез налетчики оставили на месте преступления.

Пообщавшись с местными операми, к нам подошел Далайханов.

— Я все правильно понял: у нас Шахиню завалили? — спросил он.

— Ее, голубушку, — саркастически усмехнулся Сергиец. — Прикинь, с утра была жива-здоровая, а сейчас в луже крови лежит.

— Офигеть! — Айдар сделал вид, что не услышал неуместную колкость. — Как я понимаю, денег в хате нет? Во дела! На какие шиши теперь Лучика хоронить будут?

— Он что, совсем плох? — спросил у меня Сергиец.

— При смерти. Муха ему уже место на Центральном кладбище приготовил и кусок мрамора для памятника заказал... Западло, конечно, конкретное — единственный вор в законе готовится предстать перед Создателем, а деньги на его похороны какие-то проходимцы свистнули.

— За воров не переживай, деньги они найдут. — Сергиец закурил новую сигарету, но поперхнулся дымом и отбросил ее в сторону.

— Я послал людей к адвокату, — продолжил он. — Чем черт не шутит, может быть, и вправду это он налет на Шахиню организовал.

— Слава, адвокат не мог не знать, что Шахиня являлась хранительницей воровского общака. Кто поднял на нее руку — тот покойник, а кто посмел прикоснуться к общаковским деньгам — тот покойник трижды и четырежды. Ни один человек в здравом рассудке на убийство хранительницы общака не пойдет.

— Кто-то же пошел, — логично возразил Сергиец.

— Не будем зря терять время, — предложил я. — Пока сюда не слетелись все, кому делать нечего, да-

вайте начнем работать. К приезду областников мы должны четко представлять, чем занималась Шахиня в последние минуты жизни и как действовали преступники.

Глава 2

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мы — я, Айдар и Сергиец — гуськом вошли в подъезд, где жила Вероника Гавриловна Желомкина. Дверь в одну из квартир на первом этаже была открыта, в прихожей виднелись следы крови. Из глубины квартиры раздавались мужские голоса. Я решил зайти внутрь, посмотреть, кто из следователей прокуратуры приехал на осмотр места происшествия.

В зале у распростертого на полу трупа пожилой женщины на табуретках сидели двое мужчин: следователь прокуратуры Хомутов и незнакомый судебно-медицинский эксперт. Покуривая сигарету с фильтром, эксперт диктовал: «Подвижность конечностей сохранена. Кожные покровы чистые, на ощупь теплые».

— Привет! — Я за руку поздоровался со следователем и экспертом. — Решили начать с первого этажа? Трупы на втором еще не осматривали?

— Мельком глянул, — ответил эксперт. — Тебя кто из них интересует? Женщина? У нее пять проникающих ножевых ранений: два в живот, два в грудь и одно, полосовидное, в шею. Навскидку дело было так: женщина открыла дверь и получила два удара ножом в живот, но осталась на ногах и попыталась закрыть дверь. Преступники оттолкнули ее и ворвались в квартиру. Следующие два ранения она получила в грудь. Убийца

метил в сердце, но оба раза взял ниже, и клинок ножа до сердца не достал, жировая ткань правой груди сработала как буфер. Последний удар пришелся в шею. Женщина умерла на кухне от обильной кровопотери. Из всех ранений смертельное только одно, в области сонной артерии.

— Сколько она прожила после ранений?

— Минут пять-шесть, не больше.

— Ого! Забавная ситуация: Шахиня истекает кровью на кухне, а в это время налетчики шарят по квартире. Интересно, она могла им пару слов сказать?

— Исключено, — заверил эксперт. — Рана на шее у потерпевшей глубокая, кровь из нее шла ровным стабильным потоком. Обычно такое состояние сопровождается рефлекторными действиями травмированного лица — он пытается ладонью зажать рану и остановить кровь. Но все усилия напрасны. Кровь идет, потерпевший впадает в неконтролируемую панику, хрипит, слабеет и теряет сознание. На этом активная фаза, когда человек способен членораздельно говорить, закончена. На все про все — не больше двух минут.

— Так-с. — Я наклонился к телу пожилой женщины, осмотрел рану на лбу.

— Мелкашка, — тоном знатока прокомментировал ранение следователь. — Убойная сила была невелика — пуля осталась в голове.

Оставив следователя и судмедэксперта трудиться над составлением протокола осмотра трупа, мы поднялись на второй этаж. Двухкомнатная квартира Вероники Гавриловны была с левой стороны лестничной площадки. На стене, ведущей от дверей